

ОН ПИШЕТ на аварском — одном из сорока языков своей горной республики. Но весь Дагестан считает его своим поэтом. Весь Советский Союз тоже. И во многих странах мира любят его стихи. Он сам сказал: «Я пришел в этот мир сообщить, что я дагестанец. «Захватить» новые земли для Дагестана. В поэзии «захватнической» политика позволена». Он, действительно, захватил большие земли — прославил свой родной край, свою страну на весь мир.

Поэт, Герой Социалистического Труда, Расул Гамзатов живет в Махачкале, в доме, где жил его отец, поэт Гамзат Цадаса. Перед домом растет абрикос — высокое раскидистое дерево с большими крепкими ветвями. Из такого дерева в Дагестане издавна делают изумительной красоты тарелки, ложки, шкатулки. От времени они темнеют и приобретают красивый темно-красный оттенок. В кабинете поэта есть чернильный прибор из абрикоса с тончайшей серебряной инкрустацией. Это работа унцукульских мастеров — подарок поэту.

На столе блокнот в синей обложке. Это новая книга. Сборник стихов. Называется «Дагестан». Рядом листы бумаги, сложенные высокой стопкой.

Это те же стихи, только перепечатанные на машинке.

Его первая книга появилась более тридцати лет назад. С тех пор он написал их около 40. Стихи и прозу. В основном стихи. Поэмы, песни, сонеты, восьмистишия...

— Расул Гамзатович, назовите главную тему всех ваших произведений.

— Человеческое. Считается, что литература — это человековедение. Для меня литература и особенно поэзия — прежде всего человековедение... Подождите спрашивать дальше, дайте мне еще подумать. Можно и так сказать — у меня две темы: Родина и Женщина. Мерило человеческого достоинства и поэзии — отношение к своему народу и к женщине. А мерила женского достоинства нет. Ибо нельзя измерять красоту аршинами и любовь килограммами.

Сейчас я пишу третью книгу «Мой Дагестан». Недавно написал книгу о матери. Это трудно. Об отце надо было сказать. О ней надо было рассказать. Он известный поэт, а она простая горянка... Написал еще одну книгу о Дагестане. Это легенды, баллады, сказания. Народная поэзия. Я беру какие-то ее элементы, факты и вокруг этого философствую. Народные доводы — мои выводы. Я писал о земле, об ее истории, хотел показать лучшие черты дагестанского народа. Книга выйдет под названием «Писмена и сказания».

— В книге «Мой Дагестан» вы писали, что в тот день, когда писатель открывает свою главную тему, он открывает себя. Когда такой день наступил для вас?

— Я сказал «открывает себя»? Я сказал неправильно. Человек никогда сам себя не открывает. Его открывают. Писатель не должен думать о том, чтобы открыть себя. Работай, пиши, служи, дружи, люби, жалея, прислушивайся к своей совести... И тему свою писателю искать не нужно. Она его ищет. И замыслы сами его ищут.

— Но творчество не бывает без почвы. Что же все-таки вы ищете?

— Что любить, мне ясно. А вот как это выразить, я ищущ.

— Расул Гамзатович, вы народный поэт Дагестана. Большая часть написанного вами — о родной республике...

— У стихов нет территориальных границ. Поэзия не география. Где граница любви, печали, расставания, жизни, смерти? Это безгранично. Граница моей поэзии проходит и через Дагестан, и через Африку, и через Америку... Поэт может писать о нуждах и боли другого народа, если чувствует их сердцем. Граница поэзии — сердце.

Речь Расула Гамзатова похожа на его стихи. Фразы емки и лаконичны. Как его строки. Иногда торжественны. Иногда лукаво-ироничны. Как его строки. Афоризмы рождаются на ходу, мгновенно. Он щедр с собеседником — так же, как щедр с читателем. Обобщения, инсказанья... Не

сразу поймешь, когда он серьезен, когда шутит. Когда — и то, и другое вместе. Пожалуй, лишь глаза выдают его. Вдруг блеснут хитро и засмеются.

Он сам получает удовольствие от удачной своей фразы. Есть что-то неуловимо своеобразное в его лукавстве и иронии. Откуда это? От стариков-горцев из его аула? От поэзии Востока? Или все это его, и только его?

— Хотите, чтобы я на это ответил? Не знаю. Специально я к этому не стремлюсь. Пишу и говорю, как думаю, как чувствую. Афоризмы? То, что мне кажется обыкновенной мыслью, люди считают афоризмом...

Для меня поэзия — самовыражение. Я не люблю слов «лирический герой». Нету его, лирического героя. Я никогда не вхожу в образ другого человека. Я вхожу в стихи как Расул Гамзатов. Плох поэт, если люди не знают, что у него в сердце. А если в сердце нет стихов, то и

зал «Кто хвалит жену — глупец, кто ругает — подлец». Если я скажу, что доволен современной поэзией — это плохо. Творческий человек должен всегда испытывать недо-вольство.

— Ваш любимый современный поэт?

— Твардовский.

— Что вы скажете о поэзии будущего?

— Она будет такая, как сейчас. Едет ли человек на арбе или летит на самолете, он поет одни и те же песни. Дух, душа, характер человека не изменяется. Это вечно. Можно изменить весь мир, ускорить ритм жизни, но восход, закат, жизнь, смерть, любовь — останутся.

— Но ведь существует взаимосвязь между литературой и научно-техническим прогрессом?

— На литературу все влияет. Любое событие. Научно-технический прогресс — это ведь цепь событий. Поэт — их свидетель. И участник. Он — удостоверение личности эпо-

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

писать их не надо. Люди прекрасно отличают искренние стихи от фальшивых. Ведь те, кто не пишет стихов, тоже поэты. (Хитро блеснули глаза). Какая разница между вами и мною? Вы не пишете о том, что чувствуете. Потому что вы человек скромный. А я, такой нахал, пишу.

И снова серьезно:

— Искренние стихи доходят даже до тех, кто совсем не разбирается в поэзии. Таких людей захватывают слова, идущие от сердца. Просто грамотные, гладкие строчки их не трогают. А стихи должны получить признание людей, не искушенных в поэзии. Только тогда стихи становятся стихами. Если родники чисты, но слишком высоко в горах, от них пользы мало. Поэзия — это гармония доступности и недоступности. Поэт пишет для народа. Не для толпы. Для народа.

— Какое из ваших стихотворений вам больше всего нравится?

— Я бы не смог сделать выбора. Сказать, какое из своих стихотворений я люблю больше, все равно что похвалить какое-нибудь качество своего характера. Это неприлично.

— Что вы обычно читаете со сцены?

— Люблю читать наиболее мелодичные стихи.

— Вам нравятся песни на ваши слова?

— Пожалуй, да, нравятся. Особенно текст нравится... Я очень благодарен покойному Марку Бернесу и Яну Френкелю за творческий подход к моим стихам. Они помогли сократить текст песни «Журавли», и она при этом ничего не потеряла. С тех пор стихи печатаются в том варианте, который стал песней. У меня было: «Мне кажется порою, что джигиты, с кровавых не пришедшие полей». Они сделали вместо «джигиты» — «солдаты». И тем расширили содержание песни. Я благодарен за творческий подход к моим стихам поэтам-переводчикам Науму Гребневу и Якову Козловскому. Они говорят мне, что у меня плохо, что лишнее. Они во многом помогли дисциплинировать стихи. Я благодарен актерам, которые читают мои стихи. Я все-таки больше люблю, когда их читают, а не поют.

— В чем, по-вашему, главный отличительный признак современной поэзии?

— Люди доверяют поэтам. Люди ищут в поэзии правду. В наши дни поэты остро чувствуют это стремление и в ответ стремятся сохранить доверие тех, кто любит поэзию. Иначе в ней ничего не останется, кроме серости и бахвальства. Я не критик и никогда не пытался выделить в поэзии какие-то тенденции. Мне трудно говорить о поэзии. Неудобно — я же сам пишущий. Лучше почитать стихи. Поэзия — мое любимое дело. Поэзия — как любимая женщина. Мой отец ска-

хи. Но, конечно, поэты по-разному воспринимают и отражают ее. Андрей Вознесенский учился в архитектурном институте. Ему достижения техники ближе и понятнее, чем мне. Мне ближе горы. У нас разные системы образов. Возможно, в поэзии будущего появятся другие ритмы, новая образная система. Но это одежда. Суть останется той же. Останутся и условия существования поэта — талант, честность, ясность.

— Вы, поэт, пишете прозу. Что это значит? Что поэзия не всесильна?

— И поэзия не всесильна, и проза не всесильна. То, что можно сказать прозой, не надо говорить стихами. Я чувствую, как лучше выразить мысль, — так и пишу.

— Вы, говорят, уничтожаете все свои черновики и варианты. Почему?

— Портной, шив одежду, выбирает лоскутки. Если одежда сшита плохо, он тоже должен ее выбросить.

— Расул Гамзатович, кто-то сказал, что для писателя важна не столько внешняя биография, сколько внутренняя, то есть насыщенная, интенсивная внутренняя жизнь. Вы с этим согласны?

— Да. Есть люди с прекрасной внешней судьбой, но не всегда им дано быть прекрасными писателями. Внутренняя биография, то есть сила переживания, — главное в судьбе поэта.

— А в судьбе человека вообще?

— Это важно для всех, в этом ценность человеческая. Но для писателя это — главное. Если судьба его тесно сплетена с судьбой Родины, человечества — он поэт. Если человек близко к сердцу принимает судьбу каждого, даже ему неизвестно, — он поэт. Я так понимаю богатство внутренней биографии. Где бы гром ни гремел, град падает на голову поэта. Под словом «поэт» я имею в виду не только пишущих. Я имею в виду каждого человека. Непишущие часто больше поэты, чем пишущие...

Гамзатов неожиданно берет в руки несколько листов со стихами, начинает читать по-русски, переводя прямо с листа:

«Любимая, я на тебя смотрю,

Я к тебе спешу,

Я к тебе бегу,

Не дохожу и падаю».

— Это к моей Патимат. Слушайте, прошу вас, напишите пару слов о Патимат.

Патимат — жена поэта. Его стихи о любви — о ней. О Патимат. К ней. К Патимат. Надо ли писать что-то еще? Что бы я о ней ни сказала, Расулом Гамзатовым сказано лучше.

А он снова читает:

«Нету такого дня,

Чтобы кто-то не родился,

Чтобы кто-то песню не пел...»